

ВВЕДЕНИЕ

В 2022 г. мир вступил в фазу активной трансформации миропорядка. Мир вашингтонского мироустройства покрылся трещинами и через него проступают контуры утверждающейся многополярности, которая будет определена ходом и исходом текущей борьбы США и их сателлитов против России и Китая. Мы фактически находимся в начале пути, который займет годы. И это не будут годы мира и дружбы — это будут годы борьбы за будущее нашего и будущих поколений. Происходящее сейчас — это больше, чем просто военный конфликт на Украине, мы находимся в глобальном конфликте с уходящим мироустройством, персонифицированным в США, бенефициары которого хотят замедлить наступление нового мира и обеспечить себе место среди победителей текущего раунда геополитических трансформаций.

Наши стратегические противники однозначно постулируют данный конфликт как войну с решительными целями, где лишь наличие больших ядерных арсеналов удерживает современных гегемонистов от прямого нападения на Россию и Китай. Поэтому мы видим своеобразную аллюзию на предыдущую «холодную войну», где глобальный конфликт между ядерными державами и блоками реализовывался через серию горячих конфликтов на территории третьих стран в рамках общего противостояния по всем возможным линиям человеческой деятельности. В отношении России и Китая США также ведут разноуровневую гибридную войну и подрывную деятельность на территории третьих стран, дабы обеспечить реализацию своих целей путем ослабления стратегических противников в серии локальных конфликтов и добиться их внутренней деструкции, что позволит продлить период гегемонистского управления миром, как это было после уничтожения СССР и распада советского блока.

Начавшаяся 24 февраля 2022 г. Специальная Военная Операция (СВО) на Украине стала своеобразным водоразделом в этом конфликте, переведя его в максимально интенсивную фазу, обострив до предела отношения России с США, которые можно характеризовать как гибридную войну, где Украина является

полем для столкновения России, поддерживающей ДНР и ЛНР, с США и их сателлитами, которые поддерживают киевский режим. Поэтому нет ничего более далекого от истины, нежели утверждения про «войну России с Украиной». На самом деле — это война России с США, которая, в силу наличия у сторон ядерного оружия, протекает в гибридной форме, где стороны избегают прямых и открытых ударов друг по другу, но задействуют иные силы и средства для достижения перевеса в этом конфликте, выходящем за пределы украинской территории и косвенно затрагивающем всю Европу. И вполне логично, что это противостояние протекает не только на военном, но на информационно-психологическом уровне.

Вопрос ведения информационно-психологических операций в современных гибридных войнах является одним из наиболее важных инструментов достижения целей помимо одной военной силы. Все крупные конфликты последних 20 лет демонстрировали тесное вовлечение средств пропаганды и манипуляции сознанием больших человеческих сообществ через различные медийные инструменты, которыми характеризуется так называемая «цифровая эпоха». Неслучайно целая серия инициированных США государственных переворотов на Ближнем Востоке и в Северной Африке получила в свое время название «твиттерные революции», отражающее возросшую роль социальных сетей в манипуляции массовым сознанием для достижения результатов. Недавнюю неудачную попытку свержения президента А. Лукашенко в Белоруссии преждевременно успели окрестить «Телеграм-революцией», что отражало возросшую роль нового сервиса в качестве инструмента организации массовых протестов и манипуляции массовым сознанием.

Не менее важную роль подобные инструменты играли и в горячих военных конфликтах последних десятилетий — в Афганистане, Ираке, Ливии, Сирии, Йемене и Украине — везде можно было наблюдать высокоинтенсивную информационно-психологическую войну, направленную на ослабление воли к сопротивлению у солдат/иррегуляров и гражданского населения противника и навязывание своих пропагандистских нарративов, которые должны способствовать утверждению в общественном мнении аксиоматичности правоты одной из сторон. Это касается как государственных структур, так и повстанческих движений или террористических организаций.

США длительное время выступали в роли новатора и мирового лидера в сфере информационно-психологических операций,

имея возможности оттачивать свое информационное оружие в локальных конфликтах против заведомо более слабых противников, не имеющих ни соответствующих информационно-сетевых ресурсов, ни передовых методов социальной инженерии. Многие из тех методов и приемов пропаганды, которые сейчас наблюдаются в контексте войны на Украине, подтолкнул эрудированного читателя к мысли, что у него возникает неуловимое чувство дежавю, когда меняется год, локация и страна, но фабула некоторых «историй», тиражируемых мейнстримовой пропагандой, до боли знакома по другим войнам и революционным потрясениям. И это не обычное совпадение или просто аллюзия.

Еще со времен операции «Буря в пустыне» США активно разрабатывали систему межведомственного взаимодействия, тесно увязанного с работой многочисленных НКО, аффилированных с ЦРУ, Пентагоном и Государственным департаментом. Концепции «управляемого хаоса», «мягкой силы», «ненасильственного сопротивления», «цветных революций» и т.п., реализовывались в рамках создаваемой после «холодной войны» машины глобального информационно-психологического влияния, обеспечивающего гегемонистские устремления США в однополярном мире за пределами стандартных сценариев вторжений в суверенные страны и смены неугодных Вашингтону политических режимов. Именно «Буря в пустыне» окончательно перевела войну в телевизионный формат, создав предпосылки для дальнейшего превращения любой войны или революции в онлайн-событие, которое можно наблюдать сидя дома на диване в режиме реального времени. При этом контролер и владелец информационных потоков определял содержание этого онлайн и те ракурсы события, которые вкладывались в голову человека, смотрящего телевизор или листającego ленту событий локального конфликта на экране своего смартфона. Именно в первой половине 1990-х гг. зарождался современный и хорошо знакомый нам титан глобалистской информационной машины, который достиг пика развития и могущества в 2000-х и начале 2010-х гг.

К 2022 г. США имеют огромную комплексную систему, обеспечивающую реализацию любых информационных операций наступательного характера. Конкретно на Украине она задействована на полную мощность. Например, на Украине по линии Пентагона работают USCYBERCOM, 4-я группа информационной поддержки войск, 6-й батальон региональной поддержки психологических специальных операций (ПСО) в Европе, 7-й батальон региональной поддержки ПСО в Европе и Африке, 8-й батальон

центрального командования ПСО, 8-я группа информационной поддержки войск, 1-й батальон ПСО Южного командования, 5-й батальон Тихоокеанского командования, 9-й батальон психологических операций, 3-й батальон подготовки и распространения материалов ПСО [1]. И это только Пентагон.

У Агентства Национальной Безопасности на украинском направлении работают свои структуры — Российский особый отдел, Европейское управление, Киевский передовой центр, Мариупольский передовой центр, Львовский передовой центр.

Помимо этого, на Украине действуют структуры USAID, тесно связанные с ЦРУ и Госдепом, Фонд Сороса, Фонд Форда, Национальный фонд демократии (National Endowment for Democracy, NED), Национальный демократический институт по международным вопросам (National Democratic Institute for International Affairs, NDI), Агентство США по Глобальным Медиа (Голос Америки, Радио Свободная Азия, Радио Свободная Европа, Радио Форда, New York Times, The Times и т.д.), представители американской BigTech — Google, Twitter, Facebook и т.д. и т.п. И все это только США.

Британия представлена на Украине структурами, связанными с Ми-6, — 77-й бригадой, действовавшей в рамках известной операции Integrity Initiative, 15-й группой психологических операций, Львовским информационным центром, корпорацией BBC, Bellingcat и т.д.

Но есть еще и НАТО — Европейский Центр передового опыта по противодействию гибридным угрозам, Центр передового опыта НАТО в области киберзащиты, Центр киберзащиты и информационной безопасности, Центр передового опыта НАТО в области стратегических коммуникаций.

Польша представлена Центральной группой психологических действий, Центром кибернетических операций, Центром польско-российского диалога, Фондом исследования современной среды безопасности, NEXTA.

Евросоюз представляют Разведывательно-ситуационный центр ЕС, Оперативная рабочая группа по стратегическим коммуникациям, а также различные НКО, фонды, спецслужбы и центры информационной борьбы различных стран — членов ЕС.

Вся эта многонациональная разветвленная и очень сложная машина информационно-психологической войны работает против России на Украине. Но не только она.

Сама Украина с 2014 г. при помощи США и НАТО создала разветвленную сеть структур, заточенных на проведение

информационно-психологических операций на территории своей страны, России и ряда других государств. Их создание осуществлялось при тесном взаимодействии с западными союзниками и предполагало мягкую интеграцию в общую структуру информационно-психологических операций, что позволяло им тесно взаимодействовать на оперативно-тактическом и стратегическом уровнях.

К 2022 г. Украина имела четыре Центра информационно-психологических операций (ЦИПСО) — 16-й, 72-й, 74-й, 83-й [2], которые подчинялись командованию сил специальных операций ВСУ, а также тесно взаимодействовали с СБУ в рамках проведения активных информационных операций на территории Украины и России. Помимо них существуют десятки различных центров и фондов, аффилированных с украинскими спецслужбами и западными структурами, зачастую являющимися их продолжениями на Украине — StopFake, Центр защиты и мониторинга информационных систем, Операционный Центр Безопасности, Детектор Медиа, Инфонапалм.

С началом СВО существующие электронные и печатные медиа (помимо закрытых) были включены в инфраструктуру информационного сопровождения различных операций ЦИПСО, средства на которую выделяются из государственного бюджета, иностранных грантов и прямого финансирования украинских олигархов — Ахметова, Коломойского, Пинчука, Порошенко и др.

Вся эта структура действовала строго в русле активного противодействия России на территории Украины и организации подрывной деятельности и информационно-психологических операций на территории России. В качестве примера такой деятельности можно привести операции 72-го ЦИПСО «Фундук», «Заслон», «Голос разума», «Болотная площадь» и «Ласковая роса» в 2017 г. [3].

Операция «Фундук» была нацелена на повышение доверия к руководству Украины со стороны личного состава ВСУ и населения и повышение готовности к протестным действиям по противодействию «возможной оккупации».

Операция «Заслон» была ориентирована на членов семей российских военнослужащих и военнослужащих армий ДНР и ЛНР в условиях боевых действий против украинской армии с целью деморализации личного состава.

Операция «Голос разума» предполагала формирование общественных мнений международных аудиторий по поводу

«захватнических действий России» и необходимости введения против нее экономических санкций, а также предоставления Украине военной помощи. Основной целевой аудиторией являлись руководство и гражданское общество стран Запада, которые должны были принудить Россию к переговорам с позиции слабости.

Операция «Болотная площадь» отработывала тему снижения доверия населения России к военно-политическому руководству страны в условиях боевых действий, которая была нацелена на гражданское население России.

Операция «Ласковая роса» сосредотачивалась на поддержке и формировании протестных настроений на территории ДНР и ЛНР, а также на тех территориях, которые потенциально могли перейти под контроль России. Прорабатывалась возможность усиления готовности местного населения участвовать в протестных акциях против властей России и ЛДНР. Обращаем внимание, что все это было еще в 2017 г. И все это, так или иначе, реализуется на практике и в 2022 г.

И вот теперь, ознакомившись с далеко не полным списком «информационных дивизий», брошенных на фронт против России, мы видим еще один фронт, который ограничен лишь дальностью распространения цифрового и аналогового сигналов. И вполне понятно, что вся эта «королевская рать» брошена в бой не для «борьбы за свободу и демократию», а для достижения вполне приземленных и утилитарных целей.

Если говорить о целях информационных операций США против России, то в значительной степени они даже не скрываются и их достижение рассматривается как важный этап в обеспечении желаемого США результата на Украине. Например, 5 июля 2022 г. «Атлантический Совет» представил методологические рекомендации по агрессивному влиянию на Россию методами информационно-психологической войны [4]. Каковы же эти рекомендации?

1. *Воздействие на три основные аудитории: российский народ, лояльные президенту РФ военные и союзники России по всему миру.*
2. *Использование политической апатии граждан РФ для подрыва действующего политического режима.*
3. *Геотаргетинг, пропаганда и продвижение в социальных сетях медиаконтента «независимых» русскоязычных источников.*
4. *«Работа с россиянами в такой стратегии открыла бы новый фронт в конфликте».*

5. *Продвижение западной повестки в социальных сетях ВКонтакте, Одноклассники, Rutube, Telegram, Instagram и WhatsApp.*
6. *Продвижение онлайн-инструментов обхода цензуры, спонсируемых Фондом открытых технологий USAGM, таких как Icarus Project, OpenVPN или Psiphon.*
7. *Оказание помощи находящимся в режиме готовности СМИ, таким как радиостанция «Эхо Москвы», газета «Новая газета» и независимый телеканал «Дождь».*
8. *Адаптация повестки информационных сообщений под свои нужды для различных демографических и этнических групп, проживающих в России.*
9. *«В странах Центральной Азии за основу нужно взять историческое недоверие и конкуренции за влияние в регионе между Россией и Китаем».*
10. *Деморализация российских войск с помощью цифровых систем.*

Как видим, предложенные направления действий касаются вопросов изменения сознания и мышления больших масс населения с помощью превосходящего информационно-технологического инструментария, который имеется в распоряжении США. Поэтому неслучайны акцент на борьбе с внутрироссийскими ограничениями доступа к западным информационно-пропагандистским каналам и подчеркивание необходимости прямой работы с российской аудиторией. Ну а цели этих действий уже давно озвучивались на политическом уровне: отказ от субъектной внешней политики РФ, капитуляция на Украине, сдача Крыма и при удачных обстоятельствах, деструкция Российской Федерации в ее текущих границах, для чего уже создается инфраструктура поддержки «освобожденных народов», копирующая аналогичную структуру, созданную США в годы «холодной войны» против СССР и действовавшую в направлении активизации линий национальных разломов внутри СССР. То, что стесняются открыто проговаривать официальные лица в Вашингтоне и Брюсселе, вполне открыто говорят те, кого они финансируют.

Например, так называемая «Декларация деколонизации России» начинается с сентенции, что «России — это страна-террорист». Далее постулируется тезис о неизбежности гражданской войны в стране, которая находится на грани распада. В связи с этим участники «Форума свободных народов» [5] обращаются к национальным и региональным элитам стран ООН с призывом начать создание национальных переходных правительств в изгнании, чтобы международное сообщество вело диалог не с Москвой, а с этими переходными администрациями. То есть

пытаются повторить ситуацию с назначением Гуайдо президентом Венесуэлы решением Вашингтона в обход любых демократических процедур. На ноябрь 2022 г. ФСН уже запланировал созыв Международной конференции по мирной деколонизации и территориальному устройству построссийского пространства с участием государств — членов Совбеза ООН. В Декларации содержится много разных пунктов, начиная с призывов к жителям регионов России начинать протесты и саботаж против действующего руководства страны и заканчивая предложением странам ООН подготовить новые Конституции для свободных государств.

Как видим, планы расчленения страны путем внутренней деструкции общества и государства обсуждаются вполне открыто. Задача информационных структур противника — убедить часть общества и политических элит в том, что реализация подобных людоедских планов в их интересах. Как это уже было в конце 1980-х гг., когда процессы разложения КПСС и упадок социализма в СССР привели к исторической катастрофе, последствия которой мы расхлебываем уже более 30 лет.

Поскольку известна судьба СССР, появление организаций вроде «Форума свободных народов», в том числе, говорит о реальных целях противника, хотя на официальном уровне Вашингтон несколько раз декларативно заявлял, что он не стремится к смене политического режима в России или разрушению Российской Федерации. Но то же самое в свое время обещали и СССР, включая отказ от расширения НАТО. Так что, как верно заметил министр иностранных дел России С.В. Лавров, Западу мы больше на слово не верим [6]. Период внешнеполитического инфантилизма закончился. Настало время реалистичной политики без иллюзий.

Если говорить непосредственно о практических особенностях информационно-психологической войны на Украине, то можно увидеть ряд типичных моментов, которые, несмотря на огромные медийные ресурсы, задействованные для их реализации, отдают определенной шаблонностью.

Возьмем, например, историю с Бучей [7], задача которой заключалась в том, чтобы сформировать нарратив для западной аудитории, где ключевыми тезисами, которые должны были быть закреплены в массовом сознании, являлись: «русские солдаты убивают мирных людей просто так», «русские солдаты пытаются мирных украинцев», «русские солдаты мародерствуют в европейском городе». Подобные нарративы использовались

для удара по общественному сознанию европейцев, дабы склонить их к активизации поставок оружия и усилению давления на Россию. При этом было очевидно, кому это выгодно. Но возмущения России и очевидную несуразность постановочной провокации за счет господства в мейнстримовых медиа США купировали. Когда же эта версия начала разваливаться и ее несуразности просочились даже в западную прессу, дело было уже сделано, и провокация сыграла свою роль. Какой-то публичной рефлексии на политическом уровне, очевидно, не последовало.

Подобный подход к стигматизации одной из сторон конфликта мы уже видели ранее. Например, в Сребренице. Как писал по этому поводу бывший сотрудник ЦРУ Роберт Баер:

Целью пропаганды было разделение республик, чтобы они откололись от Югославии. Мы должны были выбрать козла отпущения, которого обвинят во всем. Кто-то, кто будет нести ответственность за войну и насилие. Сербия была выбрана потому, что в некотором роде она является приемницей Югославии [8].

Не правда ли, знакомый подход? Только теперь у нас другая страна-правопреемница, на которую надо возложить ответственность за войну. Р. Баер также указывает, что история в Сребренице планировалась загодя:

Сребреница — это преувеличенная история, и, к сожалению, многими людьми манипулируют. Число жертв среди сербов не уступало числу жертв среди других национальностей, но Сребреница является политическим маркетингом. Мой босс, который раньше был сенатором США, неоднократно подчеркивал, что в Боснии произойдет какая-то афера. За месяц до предполагаемого геноцида в Сребренице он сказал мне, что город станет главной новостью во всем мире, и приказал нам позвонить в СМИ. Когда я спросил почему, он сказал, что вы увидите. Новая боснийская армия получила приказ атаковать дома и мирных жителей. Это были, конечно, граждане Сребреницы. В тот же момент сербы напали с другой стороны. Вероятно, кто-то заплатил, чтобы подстрекать их!

Примечательно, что когда начали анализировать обстоятельства гибели людей в Буче, достаточно быстро выяснилось, что большинство погибли от артиллерийского огня в условиях,

когда город был занят российскими войсками. А затем на улицах Бучи нашли характерные флешетты [9], снаряды с которыми ВСУ применяли на Донбассе с 2014 г., обстреливая с их помощью Славянск, Донецк и Луганск. И снова дежавю.

Финализирует свои откровения Р. Баер словами:

Сребреница является продуктом соглашения между правительством США и политиками в Боснии. Город Сребреница был принесен в жертву, чтобы дать Америке повод напасть на сербов за их предполагаемые преступления. Это была «красная линия» Билла Клинтона.

В нашем случае Буча являлась «красной линией Байдена», которая позволила активизировать поставки вооружений на Украину и усиления вовлечения Европы в гибридную войну против России. Силы информационно-психологических операций США и НАТО выступили в роли организаторов и исполнителей медийной составляющей провокации, обеспечив необходимый контент и трактовки для машины корпоративных мейнстримовых медиа, которая, подавляя альтернативные точки зрения, начала ретранслировать заранее составленную пропагандистскую версию безотносительно всех возможных вопросов и неувязок. Когда же провокация сыграла свою роль, Буча отошла в тень, как когда-то отошли в тень провокации в Думе или Хан-Шейхуне.

Можно вспомнить аналогичную историю и в Ливийской войне. Когда в 2020 г. войска маршала Хафтара потерпели поражение в сражении за Триполи и начали отступать из Триполитании в Киренаику, они оставили город Тархуна. Практически сразу после взятия города войсками ПНС Ливии, в Тархуне были обнаружены могилы с убитыми людьми [10], в гибели которых обвинили Хафтара и Ливийскую Национальную Армию, хотя полноценное расследование обстоятельств гибели людей в городе, в котором до Хафтара заправляли различные боевики, не проводилось, и позднее вскрылись различные неувязки, связанные с убийствами людей боевиками в предшествующий усилению Хафтара период. Последовал стандартный набор обвинений и сравнения с Сребреницей. Важно помнить, что в этом конфликте США поддерживали силы ПНС Ливии.

В целом, можно заметить определенный шаблон, когда в локальных конфликтах с прямым и опосредованным участием США неожиданно возникает «страшное зверство», в котором

еще до любого расследования уже назначен виновный, противника которого можно выставлять «рыцарем в белых одеждах», прощая ему все, вплоть до террористических актов и этнических чисток.

Впрочем, Россия уже сталкивалась с подобным подходом. В 2014 г. идентичным образом раскручивалась история с малайзийским «Боингом», сбитым 17 июля 2014 г. над Донбассом и где Россия была объявлена виновной с первого дня, еще до любого расследования [11]. Аналогичные эпизоды встречались и в Сирии — «использование Россией и режимом Асада химического оружия против гражданского населения» [12], «обстрел гуманитарного конвоя ООН в районе Алеппо», «целенаправленное уничтожение гражданских больниц». Во всех случаях эти обвинения в среднесрочной перспективе рассыпались, но в рамках достижения краткосрочного эффекта, силы информационно-психологических операций и связанная с ними медийная машина обеспечили необходимый фон для принятия тех или иных политических решений, включая ракетные удары по суверенной территории Сирии.

Разумеется, описывая параметры, структуру, цели, методы и задачи информационно-психологических операций противника, следует указать и возможные пути системного противодействия на государственном уровне, которые повышают возможности России по достижению целей и купированию тех угроз, которые создает, и будет создавать ее стратегический противник.

Информационно-психологические операции являются частью нетрадиционных гибридных войн — это структурный вид боевых действий, который должен осуществляться в комплексном взаимодействии (мультидоменной интеграции) всех видов и родов войск. Командование и объединенные штабы, обеспечивающие информационно-психологическую оборону в рамках стратегии национальной безопасности России, должны иметь возможность создания внештатных аналитических, методологических, исследовательских и информационных центров. Поэтому целесообразно рассматривать создание отдельного видового центра информационно-психологических операций в рамках концепции информационно-психологической безопасности в качестве надстройки над сетью штабов и центров.

Текущие обстоятельства требуют серьезного изменения подходов к подготовке и ведению операций на информационно-психологическом уровне. Необходимо повышать уровень

межведомственного взаимодействия и создавать сетевые структуры в рамках частно-государственного партнерства, занимающиеся вопросами информационной безопасности и противодействия операциям противника, направленными против российского общества и государственных интересов. Основной проблемой в этом направлении является недостаточный уровень экспертизы и нехватка подготовленных специалистов по информационно-психологическим операциям. Существует острая необходимость создания дополнительных кафедр в ведущих вузах страны по подготовке специалистов по информационным и гибридным войнам, с упором на практическое обучение.

Надежды на то, что добровольцы и волонтеры информационных войн смогут заменить систему и подготовленных специалистов, несостоятельны: системе может эффективно противостоять лишь другая система. Открывающаяся осенью 2022 г. в МГУ магистерская программа по подготовке специалистов по противодействию технологиям современных информационных, гибридных, торговых войн и цветных революций¹, является этапным шагом на пути систематизации подходов к подготовке «солдат информационных войн». На смену любителям и самоучкам рано или поздно должны прийти подготовленные профессионалы. Но их количество должно быть кратно большим.

Ошибки 2013–2014 гг., когда наблюдался острый эффект информационного запаздывания в условиях развития американских операций на Украине, приведших к государственному перевороту, в этом плане весьма показательны. К началу активной фазы событий в начале 2014 г. США уже имели на территории Украины развернутые структуры информационно-психологической борьбы (сеть из более чем 40 подготовленных информационных ресурсов и густая сеть НКО и агентов влияния), в то время как Россия фактически занималась их развертыванием уже в процессе начавшихся событий и острой нехватки специалистов и медийных ресурсов на фоне рассыпавшегося государственного аппарата режима В. Януковича.

С тех пор многое изменилось, но и с началом СВО многие эксперты отмечали различные недоработки как в информационном сопровождении операции, так и устаревшие методы реагирования на информационные удары противника по российскому обществу. Как и в 2014 г., ошибки и недоработки

¹ В МГУ открыли магистерскую программу по информационным и гибридным войнам [13].

устранялись уже по ходу развития операции, что позволило если и не захватить инициативу, то, как минимум, нанести противнику целый ряд чувствительных ударов, которые вскрыли его уязвимости и помогли добиться эффекта просачивания российских нарративов в западное общество через цензурные ограничения и информационный «колпак», которыми пытались «защитить» западное общество от альтернативной информации. В этом плане «больной» не безнадежен, как это обычно принято думать. Запад уже ощутил на себе некоторые последствия этой недооценки, точно так же как Россия недооценила некоторые возможности западного наступательного информационного оружия.

Еще одной важной проблемой является недостаточная цифровая суверенизация России, обусловленная многолетней цифровой зависимостью от западной цифровой инфраструктуры, от которой в полной мере не удалось избавиться даже сейчас, после всех принятых законов и государственных программ, направленных на ее минимизацию в долгосрочной перспективе.

Десятилетия зависимости не прошли даром, в результате чего государство и общество достаточно болезненно переживают разрыв с различными западными сервисами и медиа, которые фактически являлись инструментами и инфраструктурой информационно-психологической войны против пользователей из России. И если некоторые сервисы и ресурсы удалось относительно легко отключить (чему безусловно помогли различные учения в рамках программ суверенизации рунета и появление сопоставимых аналогов), то, например, тот же Youtube или WhatsApp, которые также активно используются противником для продвижения своих нарративов или отслеживания активности пользователей, отключить пока не получается в силу отсутствия сопоставимых по качеству альтернатив. Вопросы создания адекватного национального видеохостинга поднимаются уже более 10 лет, но текущие платформы вроде Яндекс-Эфир и RuTube в должной мере поставленным задачам суверенизации не соответствуют. Тем не менее, обстоятельства вынудят и в этой сфере совершить «фазовый переход» к цифровому суверенитету [14], как вынудили это сделать в других сферах, где еще недавно казалось, что разрыв с Западом априори невозможен. Нельзя добиться успехов в информационной войне, когда часть цифровой инфраструктуры фактически контролируется противником. Это заведомая слабость, порожденная годами зависимости.

С другой стороны, не стоит путать цифровой суверенитет с цифровой автаркией. Россия не пойдет по пути полного оголаживания своего сегмента сети, как это делает Северная Корея. Пример Китая показывает, как могут сосуществовать система государственного регулирования и фрагментарный доступ к западному сегменту интернета. Сейчас важен не только и не столько запрет, сколько контроль нарративов и повестки. Важно понимать, что эпоха фактического глобального интернета, тесно связанного с процессами провалившейся глобализации, окончена. Распад однополярного мира ведет к увеличению числа суверенных макро-островов суверенного интернета, ограниченных государственным регулированием, что усиливает общую фрагментацию системы и увеличение количества различных барьеров и регулирующих функций, с которыми сталкивается обычный потребитель информации.

При этом уже сейчас в этом вопросе мы видим ложность выбора «демократия против тоталитаризма», так как в странах, объявляющих себя «носителями истинной демократии», процесс ограничения свобод в интернете и частно-государственной цензуры зачастую опережает идентичные процессы в тех странах, которые клеймят как «тоталитарные». Здесь так же прослеживаются элементы манипуляции сознанием, «правильная цензура» противопоставляется «неправильной цензуре» просто на основе того, что господствующие медиа объявляют, что только «демократическая цензура», скрывающаяся за различными эвфемизмами, является единственно верным выбором для всех человеческих сообществ. В этом проявляется примечательная тоталитарная нетерпимость к иному мнению, которая очень далеко ушла от клишированного тезиса *«я не разделяю ваших убеждений, но готов умереть за ваше право их высказывать»*.

Реакция западных медиа, освещающих войну на Украине сродни реакции испанской инквизиции на разглагольствования ученых-еретиков: от «отмены» и угроз до блокировки и уголовных дел. Прекрасный виртуальный мир «свободы слова» пожух, и оказалось, что фиговый листок дешевых фраз о свободе прикрывает банальный тоталитарный контроль свободы слова и мнений. Таков ироничный итог «борьбы с тоталитаризмом» и «несвободой». Мир постмодерна все вывернул наизнанку.

В этой связи хочется отметить один важный момент: крайне редки примеры войн, выигранных только в обороне. Войны выигрываются в наступлении. В том числе и информационные. Поэтому необходимо уходить от педалирования термина

«оборона» в вопросах информационно-психологической войны. Государство и общество должно ясно понимать, что наступательные информационно-психологические операции, как на своей, так и на чужой территории — это нормально. В современном мире это право любого суверенного государства, проводящего субъектную политику, а не отдающего свое информационное пространство на откуп другим странам. Надо уходить от самой постановки вопроса «А что скажут на Западе?», «А попадаем ли мы в некие рамки, установленные Западом»? Это все часть их «мира, основанного на правилах». Их мира и их правил. Но это уже не наш мир и не наши правила, которые определяют наше место как подчиненной страны и подчиненного народа, которому отказано в исторической и политической субъектности.

Поэтому необходимо отдавать себе отчет в том, что на Украине в рамках СВО мы проводим наступательную информационно-психологическую операцию, продвигая наши нарративы на территории, ранее занятые противником. При этом не отменяются задачи противодействия противнику как на территории Украины, так и на территории России, а также на территориях других стран, где наша позиция сталкивается с позицией США, в рамках новой парадигмы «холодной войны». Война за умы и за общественное мнение сейчас идет по всему миру, и она существенно повлияет на контуры будущего мироустройства, форматы и структуру будущих военно-политических и экономических блоков, уровень влияния на оставшиеся международные организации периода упадка межгосударственных институтов и общемировую репутацию страны и народа.

И эта борьба не так безнадежна, как нам пытаются внушить, апеллируя к комплексу неполноценности перед Западом и тревожа незажившую рану разрушения СССР. Мы смогли пережить его и с этим опытом возвращаемся в большую игру, обретая подлинный, а не декларативный суверенитет.

Как показала СВО на Украине, созданная США сложная информационная машина не столь безупречна, как ее зачастую представляют. Перед нами есть простой и понятный пример, показавший ее недостаточную эффективность в условиях меняющегося миропорядка.

США и их сателлиты после начала СВО сделали однозначную ставку на то, что экономическое, дипломатическое, идеологическое и информационное давление в рамках глобальной информационно-психологической операции против РФ спровоцирует

внутри страны массовые протесты против политики правительства и действий вооруженных сил, которые заставят Россию прекратить СВО на Украине и пойти на уступки Западу по украинскому и другим вопросам.

О неизбежности подобных массовых протестов, которые должны разрушать стратегию России, открыто говорили в Вашингтоне и Киеве, ожидая в феврале и марте массовых митингов по всей России, на которые делалась огромная ставка и под обеспечение которых были привлечены огромные ресурсы мейнстримовых медиа и центров информационно-психологических операций. Оппозиционные медиа, поддерживающие структуры А. Навального и им подобные фактически соединились с этими иностранными центрами, выступив единым фронтом в рамках реализации данного сценария, что впоследствии привело к их фактическому разгрому на территории России (они пошли ва-банк и проиграли).

Тем не менее, ожидаемого протестного блицкрига, подогретого различными методами манипуляции сознанием, не случилось. Уровень поддержки СВО оказался более чем высок, а по мере того, как проявлялась суть украинского режима, использующего террористическую тактику и стратегию ведения войны, мы увидели примечательную картину роста поддержки СВО, когда часть людей, которые первоначально выступали против нее, изменяли свою позицию, ввиду чего протестная база сужалась еще сильнее. После этого апелляции к «добрым русским» на Западе закончилась и в мейнстриме пропаганды восторжествовала хорошо знакомая нам русофобия наиболее примитивного качества, основной задачей которой являлось расчеловечивание уже всего населения России, которое отказывается следовать замыслам авторов несостоявшегося протестного блицкрига. Если русский не готов разрушать свою страну, то это плохой русский. Таково послание наших бывших «партнеров».

После этого сформировался «позиционный фронт информационной войны» со своими бесконечными траншеями, опорными пунктами, тактическими ударами и контрударами, где стороны пытаются подорвать волю противника к продолжению борьбы. Этот фронт гремит и не останавливается ни на один день. Пока вы идете на работу или занимаетесь домашними делами, большие информационные армии сходятся на разных информационных ТВД, работая и точно, и по площадям.

И вот после всего вышеизложенного читатель вправе спросить, так о чем же эта книга? Данная работа представляет собой

актуальный срез методов и приемов информационной войны, которые в данный момент применяются против нашей страны на системном уровне и затрагивающих как ситуацию на Украине, так и на территории других стран, а также ситуацию внутри России, чьи уязвимости рассматриваются нашими оппонентами как «отмычки» к российскому обществу, которые позволят сконструировать такую реальность, которая позволит обеспечить превосходство США в рамках долгосрочного противостояния или даже деструкции Российской Федерации.

Помимо богатой коллекции конкретных примеров с раскрытием их содержания и внутренней подоплеки, книга предлагает читателю системный подход к анализу тех тенденций, которые позволяют этим примерам пройти путь от задумки операторов информационно-психологических компаний до практической реализации, где обыватель может увидеть лишь верхушку айсберга трактовок мейнстримовых медиа, не замечая тех структур и их стратегий, которые формируют подобную медийную реальность и внедряемые в общество нарративы. Авторы раскрывают эту подоплеку, доступным языком рассказывая просто о сложном. Ведь, в конечном счете, важно понимать, как можно манипулировать мнением другого человека так, чтобы он не догадывался, что стал жертвой навязанного информационного продукта или примитивного фейка.

Мало распознать фейк и объявить его фейком, важно понимать индустрию его производства и ложных информационных реальностей. Один фейк или одна манипуляция — это всего лишь одна из тысяч пуль, выпускаемых в цель. Среди этих «информационных пуль» скрываются и по-настоящему смертоносные снаряды длительного воздействия, которые могут оказывать влияние на пораженный организм в течение недель, месяцев или лет. Как и индустрия производства оружия и боеприпасов, «индустрия» информационных войн производит информационное оружие в виде различных систем, медиа, фондов, сайтов, сервисов и информационных боеприпасов — текстовых и аудиовизуальных продуктов деятельности информационных орудий, которые, используя эти боеприпасы, ведут огонь на поражение. Мишенью этой «индустрии» является как отдельно взятый человек, так и целые народы. Масштаб поражения ограничивается лишь целеполаганием и приложенными материальными и интеллектуальными ресурсами.

Лучший способ изучить эту «индустрию» — это ознакомиться с внутренней структурой ее «продуктов», с которыми мы, так

или иначе, сталкиваемся, находясь в социальных сетях, читая новости на сайтах, листая газету или смотря телевизор. Так как технологическая база этой «индустрии» стремительно развивается, то отслеживание актуальных тенденций в данной сфере означает изучение практики наиболее актуальных информационных кампаний и операций. Сейчас плацдармом является Украина, вокруг которой развернулась одна из наиболее грандиозных информационных битв последних десятилетий. Изучение предыдущего опыта — это палка о двух концах. С одной стороны, изучение исторического опыта необходимо для того, чтобы понимать генезис актуальных тенденций и распознавать шаблоны и системы пропаганды и манипуляций сознанием. С другой стороны — опора на быстро устаревающие примеры создает известную ситуацию с генералами, которые всегда готовятся к прошедшей войне. Поэтому данная книга, конечно, не даст вам ответ на все вопросы, но приоткроет дверь в мир информационных войн и манипуляций, которые происходят здесь и сейчас.